

Секция «44.26 Проблемы конституционного строя и конституционного статуса личности»

**КНДР как нетипичная форма правления: конституционная ширма для
«идеократической монархии»**

Научный руководитель – Трикоз Елена Николаевна

Ершова Варвара Алексеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный институт международных отношений,

Международно-правовой факультет, Москва, Россия

E-mail: varvaraershova007@mail.ru

Корейский полуостров представляет собой уникальную лабораторию для сравнительно-правового исследования: два государства, сформированные одним народом и общей историей, демонстрируют принципиально различные траектории конституционно-правового развития [8]. КНДР сохраняет политическую систему, которую исследователи определяют в категориях «красной монархии» [3], «партизанского государства» [3] или «посттоталитарного режима» [1].

В современной компаративистике всё чаще говорят о «смешанных» или «гибридных» правовых системах, сочетающих элементы различных правовых семей и форм правления [11]. Северокорейская модель представляет собой уникальный гибрид, где формальные республиканские институты служат ширмой для идеократической наследственной монархии. Классическая республиканская традиция, восходящая к Цицерону, понимает республику как «дело публики» (*res publica*) – форму участия граждан в общих делах, где свобода означает «не-господство», а в КНДР, напротив, ситуация полного подчинения населения воле династии и партийного аппарата, что делает эту модель «анти-республикой» в самом глубоком смысле [13].

Юридическая форма (de jure). Согласно Конституции КНДР [5], государство является социалистической республикой, главой которой назван Председатель государственных дел (ст. 100). Но ключевое противоречие заложено в самой преамбуле, где Конституция именуется «кимирсенско-кимченирской», юридически фиксируя идеи «вечных вождей». Провозглашен принцип демократического централизма (ст. 5), и формально закрепляется принадлежность власти трудовому народу, который осуществляет её через Верховное народное собрание и местные народные собрания (ст. 4).

Фактическое содержание (de facto). КНДР по своей сути предстаёт как идеократическое государство, где высшим источником власти является идеология чучхе, интерпретируемая Трудовой партией Кореи [3]. В рамках этой системы сложилась де-факто наследственная монархия династии Кимов. Власть последовательно передавалась от Ким Ир Сена к его сыну Ким Чен Иру, затем к внуку Ким Чен Ыну и наметилась линия власти уже к его дочери Ким Чжу Э. С конца 2022 года она систематически появляется на государственных мероприятиях, включая военные парады и визиты в зарубежные посольства, а в пропаганде их вместе называют «выдающимися гениями руководства» - прямой аналог подготовки Ким Чен Ира в 1970-е гг. [7]. При этом юридически такой внутрисемейный переход власти не регулируется прямо Конституцией, а лишь обеспечивается широким культом личности и прямым контролем династии над ТПК и армией [6]. Выборы носят безальтернативный характер, представляя собой ритуал легитимации [5]. The World Factbook определяет систему КНДР как «диктатуру под единоличным командованием» [10].

Возникает принципиальный и дискуссионный вопрос: является ли сложившаяся система формой абсолютной монархии? По мнению П. МакИчерн, в КНДР ключевые институты – кабинет министров, армия и партия – сохраняют автономию, а лидер выступает

арбитром между ними, как бы балансируя над институтами [1]. Концепцию П. МакИчерна о «посттоталитарном» режиме с элементами институционального плюрализма дополняет тезис К. Асмолова о движении «от харизматической модели к институциональной» [3], что в целом ставит под сомнение упрощённую квалификацию КНДР как «абсолютной монархии».

Состоявшийся в феврале 2026 г. IX Съезд Трудовой партии Кореи зафиксировал качественные изменения в идеологии и стратегии КНДР [12]. Лейтмотивом стало «всестороннее развитие социализма» на основе опоры на собственные силы и глубокий стратегический союз с Россией и Китаем. Съезд также провозгласил концепцию «ядерного суверенитета» и утвердил новую военную доктрину, ориентированную на атомные субмарины и беспилотные комплексы с ИИ [12]. Кадровая революция, сопровождавшая Съезд ТПК, привела к замене «дипломатов-переговорщиков» на «исполнителей-стратегов» по дальнейшей интеграции с евразийскими партнёрами [12].

Идеологически IX Съезд оформил переход к «кимченызму» – идеологии, акцентирующей «поклонение народу как небу» и окончательный разрыв с иллюзиями объединения с Югом. Южная Корея закреплена как «враждебное государство №1», что переводит конфликт из фазы гражданской войны в фазу межгосударственного сдерживания [12].

Контраст между двумя корейскими государствами позволяет выявить ключевые параметры нетипичности северокорейской модели. Почему же Южная Корея смогла совершить демократический транзит, тогда как КНДР законсервировала авторитарную модель? Ответ может лежать в сфере соотношения внешних факторов и внутренних элитных компромиссов [6]. В КНДР разрыв между конституционной нормой и практикой максимален: республиканские институты исключительно декоративны [9].

Это в свою очередь порождает фундаментальную дискуссию о типологической принадлежности режима в КНДР. Так, по мнению В.Е. Чиркина, подобные системы являются «номинально-республиканскими формами с монархическим содержанием». А.А. Малиновский предлагает более жёсткую оценку КНДР как «предельного случая, когда нетипичная форма перестаёт быть функциональным гибридом и становится инструментом легитимации политической патологии». Е.Н. Трикоз, анализируя гибридные правовые системы, подчёркивает, что их особенность состоит в сочетании элементов различных правовых семей и типов государственных режимов [11].

В случае КНДР это сочетание формально-социалистической конституции, идеократического обоснования власти и династической преемственности создаёт уникальный гибрид. В нем сочетаются: 1) идеократическое обоснование власти; 2) династический принцип преемственности; 3) формальные республиканские институты; 4) реальная автономия ключевых государственных структур (армии, партии, кабинета); 5) элементы «партизанского» наследия в методах управления [3].

Несмотря на конституционный фасад социалистической республики в КНДР фактически сложилось идеократическое государство с наследственной передачей власти, которое приобретает черты «ядерной суверенной державы», интегрирующейся в формируемый с ее участием многополярный мир. Но само определение «*посттоталитарный гибрид с династической преемственностью*» требует дальнейшей операционализации в сравнительном конституционном праве.

Источники и литература

- 1) 1. McEachern P. Inside the Red Box: North Korea's Post-Totalitarian Politics. New York: Columbia University Press, 2010. 320 p. 2. Law and Justice in Korea: South and North / ed. by the Seoul National University College of Law. Seoul: Seoul National

University Press, 2005. 533 p. 3. Асмолов К. Северная Корея: не ужасное будущее, а возвращение к традиционному прошлому // Россия в глобальной политике. 2023. 10 сентября 4. В Южной Корее опровергли обсуждение изменения конституции ради признания КНДР // Рамблер/новости. 2025. 22 декабря. 5. Конституция Корейской Народно-Демократической Республики от 27 декабря 1972 г. (с изм. и доп.) // Constitute Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Peoples_Republic_of_Korea_2016?lang=en (дата обращения: 06.03.2026). 6. Нигманова П.Г. Политические системы Республики Корея и КНДР: сравнительный анализ // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-sistemy-respubliki-koreya-i-kndr-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 06.03.2026). 7. Никто не предлагал признать СК отдельным государством // KBS WORLD Radio. 2025. 22 декабря. 8. Президента — в тюрьму, заключённого — в президенты. Как Южная Корея 36 лет назад перестала быть похожей на Северную // Republic.ru. 2023. 26 октября. URL: <https://republic.ru/posts/105905> (дата обращения: 06.03.2026). 9. Tertitskiy F. How the North is run: the Supreme People's Assembly // NK News. 2018. March 22. URL: <https://www.nknews.org/pro/how-the-north-is-run-the-supreme-peoples-assembly/> (дата обращения: 06.03.2026). 10. The World Factbook. Korea, North // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/korea-north/> (дата обращения: 06.03.2026). 11. Трикоз Е.Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4. С. 68–79. 12. Толорая Г. IX Съезд Трудовой партии Кореи: выбор вооружённого мира // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 2026. 6 марта. 13. Хархордин О.В. Республика. Полная версия. СПб.: Изд. Европейского университета, 2021. 456 с.